

К 180-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

Вег. Москва. - 1994. - 17 окт. - с. 3.

ПАМЯТНИК С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

Говорят, что дети задают много вопросов. До какого возраста? Мое детство закончилось, должно быть, тогда, когда я сама разгадала свою интересную загадку.

В нашей Москве есть среди прочих два замечательных памятника, поставленных на народные средства: Пушкину и Гоголю. Скажите, почему в столице не было кружечного сбора денег на памятник их талантливого современника Лермонтова? Почему так долго, до 1965 года, Москва жила без силуэта этого поэта?

Ответ на эту загадку я нашла не скоро, после многолетнего поиска.

Начало положила книжка о памятнике Лермонтову, вышедшая в 1987 году в серии «Библиотека московского памятника». Я ее прочла, но отнеслась к автору с недоверием. Во втором абзаце написано: «... Это было 4 июня 1965 года. Стоял ясный солнечный день. Ярко зеленела листва молодых деревьев в сквере, где был установлен отлитый в бронзе памятник...». Но было не совсем так. Бронза, да — верю, но молодых деревьев в этом старом московском скверике не помню, ведь он был заложен задолго до моего рождения (а в те дни мы были уже десятиклассниками). Листва зеленела, это не отнимешь, но была неяркой, так как небо было в тучах, шел дождь. За зонтиками листики не просматривались. Из-за этого дождя открытие было недолгим и не очень многолюдным и торжественным, как нам всем хотелось. Памятника мы ждали очень долго. Дружине нашей школы было присвоено имя Лермонтова, и наши ученики очень хотели скорее увидеть поэта на пьедестале.

В упомянутой мною книге И.В. Ивановой ответа на мой давнишний вопрос, почему московская Дума почитла памятниками Пушкина и Гоголя, а о Лермонтове как-то забыла, в книге нет. Там на странице строки: «Постановление о сооружении памятника Лермонтову в Москве было впервые принято Советом Народных Комиссаров СССР 14 мая 1941 года — в год 100-летия со дня смерти поэта. Но претворить в жизнь это постановление не удалось — менее чем через полтора месяца началась Великая Отечественная война.

Интересное дело: можно подумать, что война длилась до 60-х годов, вернее, до 1965-го!

Любопытной для меня оказалась эта повесть — война. Здесь зародилась мысль: ведь год столетия со дня рождения (1914) приходится тоже на начало войны. Может, стоит поискать какие-то материалы в архивах Думы того времени? Я начала работу в Центральном историческом архиве Москвы. Мне повезло в поиске. Привожу вам кратко историю этого дела.

3 октября 1909 года Московскому городскому голове Н.И. Гучкову поступило заявление от гласного Н.А. Шамина об установлении памятника Лермонтову в сквере вблизи Красных Ворот, о наименовании сквера «Лермонтовским». (Это как раз тот самый скверик!)

12 мая 1910 г. Государь Император разрешил Московской Городской Думе открыть всероссийский сбор добровольных пожертвований на постановку в Москве этого памятника. Дума хотела приурочить открытие к столетию рождения поэта — 3 октября 1914 г.

Было в запасе 4 года. Но время шло. Началась и затянулась волокита вокруг хорошего дела.

8 марта 1911 года был избран председатель Исполнительной комиссии по сбору пожертвований на памятник — Бахрушин Алексей Александрович. Председателем Попечительского Совета стал Катуар Лев Львович. Но вот с рядовыми членами комиссии дела обстояли плохо. Прошло много голосований. По документам видно, что людей предлагалось много, но также много было и отказов, мотивированных за-

Так выглядел сквер раньше.

Фото из архива автора.

нятостью другой работой, или вовсе без объявлений. Комиссия о пользах и нуждах общественных решила ассигновать на памятник Лермонтову 5000 рублей, столько же, сколько она выделила в 1909 году на сооружение памятника Гоголю — того, что стоит сейчас во дворе на Никитском бульваре. (На установку этого памятника Гоголю Городское управление израсходовало 25 тысяч рублей. Сюда не входили пожертвования.)

В начале века время летело, должно быть, так же быстро, как и сейчас. До 1914 года оставалось совсем немного времени. Больше всех в Думе этим был обеспокоен Шамин. Он пишет заявления, просит, доказывает, чувствует, что это не успеть. Тогда он предлагает присвоить имя Лермонтова двум училищам (мужскому и женскому) вблизи Красных Ворот, устроить чтения сочинений поэта, поставить спектакли по его произведениям и... возложить от Московской городской управы венок на могилу М.Ю. Лермонтова в Тарханах.

И вот началась мировая война. Московская городская управа принимает решение о сокращении бюджетных расходов. Полностью отменяются даже небольшие ассигнования на канцелярские расходы по организации сбора средств на памятник Лермонтову.

Здесь, в архивном деле, подколота телеграмма: «В Московскую Городскую Думу Сотрудникам Венок Москвы Лермонтову Тарханах Ланихиды Возложен Шаминым Рождественским». Внизу есть приписка карандашом: «Прочел с удовольствием». Удовольствие-то есть, а вот памятник...

2 октября 1914 г. два городских училища получили имя Лермонтова.

Шамин по-прежнему беспокоится и пишет

письмо в Думу: «100-летие со дня рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова прошло почти не замеченным; теперь приближается 75-летие со дня кончины — 15 июля с.г.

Гром пушек как будто заглушается его юбилей. Иные даже находят «юбилей» неуместным. Льется кровь, везде траур — какие тут юбилеи? Комиссия по сбору пожертвований на памятник М.Ю. Лермонтову в Москве отложила свою работу до окончания войны.

Гром пушек, говорят, мало имеет общего с радужными грезами поэзии Лермонтова.

Но должно вспомнить, что, кроме Гоголя, который 75 лет назад заметил, никто в России не писал такой прекрасной благоуханной прозой, как Лермонтов. Писал о Лермонтове другой человек, его начальник Граббе, донос о деле 1840 г. при Валерике: «Поручик Лермонтов имеет поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны... Офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

Это вспомнить надо нам по времени. Лермонтов умер от пули под дождем, в бурю, у подножия Машука... Так гласило известие, появившееся в газете 75 лет назад: «15 июля, около 5 часов вечера, разразилась на Кавказе ужасная буря с громом и молнией: в это самое время между горами Машуком и Бештау скончался М.Ю. Лермонтов».

Я напоминаю о необходимости к 75-летию со дня кончины великого поэта переименовать сквер у Красных Ворот в «Лермонтовский». С этим соглашается и Совет инженеров по внешнему благоустройству города...

Гласный Н. Шамин».

Проходит несколько месяцев, и 5 сентября 1916 года в год 75-летия со дня гибели поэта Н. Шамин заявляет в Думе, что две даты почти ничем не ознаменованы: «Памятник М.Ю. Лермонтову едва ли скоро в Москве будет поставлен, сквер у Красных Ворот почему-то в «Лермонтовский» до сих пор не переименован...» Он предлагает учредить библиотеку-музей в том доме, где родился и провел детские и юношеские годы М.Ю. Лермонтов, — у Красных Ворот.

Н. Шамин всячески пытается тесно связать имя любимого поэта с любимой имо обители Москвой, он пишет заметку в одну из газет и приводит слова Лермонтова из его рукописи «Панорама Москвы»:

«Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу, с конца в конец, кто ни разу не любовался этой величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный большой город, которых тысячи. Москва не безмолвная громада каменной холодных, составленных в симметрическом порядке, нет, у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем русском кладбище, каждый ее камень хранит надписи, начертанную временем и роком, богатую и обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта. Что сравнить с этим Кремлем, который, окруженный зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами собора, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки».

Я разделяю радость поэта, завидую его прошедшей удаче возможности лицезреть

Москву с Ивана Великого. Но хочу сказать, затаив грусть по утраченному родному дому Лермонтова, что мне девочкой посчастливилось видеть Москву тоже с большой высоты. Это была высотка у Красных Ворот, на ней сейчас — памятная доска с барельефом поэта.

Но рассказ мой был не о том...

Мне хотелось лишь поведать, как, роаясь в архиве, разгадала я свою детскую загадку; узнала, что война вмешивается не только в жизнь живых людей, но и влияет на судьбы памятников.

Послесловие.

В 1988 году в издательстве «Московский рабочий» вышла книга «Имена московских улиц» под редакцией Ю.К. Ефремова. Не в обиду ему, моему уважаемому заслуженному краеведу, Юрию Константиновичу, а в уточнение и поправку его работы скажу, что на странице 211 в тексте «Сквер, занимающий северную часть площади, в 1914 г. был назван Лермонтовским — в честь 100-летия рождения поэта» вкралась ошибка. Сквер, к сожалению, не получил в том году имени поэта. Там же написано, что в 1918 году он именовался «Красногвардейским». Если это было так, то есть вопрос к первому Советскому правительству. Чем в 1918 г. провинились поэт и этот маленький скверик, за что такая немилость и лишение почета?

Еще в том же издании сообщается, что в 1941 г. площади Красных Ворот было присвоено имя Лермонтова. Но здесь опять произошла досадная для Лермонтова метаморфоза. В 1992 году вернули историческое название площади, что я по справедливости приветствую. Добрую память о поэте взял на себя памятник. Очень надеюсь, что его не постигнет участь собратев по перу Пушкина и Гоголя: его не переместит на другое место наша новая власть.

Но уничтожения памятник не избежал.

Я и мои друзья по школе хорошо помним, как устанавливали монумент. Из мастерской его привезли и положили на проезжую часть Ново-Басманной улицы рядом с Министерством путей сообщения. Некоторые бедовые прохожие подкололи и трогали поэта за нос, говоря, вроде: «Потом я ведь не достану!»

Устанавливали статую на пьедестале вечером в сумерки. Это было ужасное зрелище: поэт был весь перевязан веревками, а основная, подменная, тянулась прямо от шеи. Нашего поэта «вешали». Мы в кошмаре бежали с этого места. Кто-то потом нам сказал, что при установке пьедестал дал трещину. Но я до сих пор не хочу в этом убеждаться. Я ни разу не обошла памятник кругом. Не хочу. А вот петля вокруг Лермонтова так и осталась. Ее образуют провода троллейбусного маршрута, идущего в Лефортово.

Еще небольшое изыскание. В Лермонтовской энциклопедии (1981 г.), в разделе, где говорится об объектах, которым было присвоено в разное время имя Лермонтова, нет упоминания о двух дореволюционных училищах: Ольховском и Яузском. Может, кому из читателей известна их история? В энциклопедии на странице 199 упоминается моя родная школа № 320, носящая имя поэта (в 1964 г. было очень странным школе бороться за имя поэта: в традиции были имена героев войны или какого-либо труда). Говорится здесь и о нашем школьном маленьком музее, он существовал с 1964 г. до конца 80-х годов.

Но не будем грустить! Ведь этот год для поэта юбилейный. Все хорошее претерпевает возрождение. Любовь к Лермонтову и его родной Москве не умрет. В ансамбле памятника есть слова поэта, сказанные за многих нас: «Москва, Москва! Люблю тебя как сын...» Сынов своих Москва тоже любит.

Татьяна БИРЮКОВА